

Богословские труды, сб. 23, М., 1982, стр. 154—199; сб. 24, М., 1983, стр. 139—170.

К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

ТРИУМФ ПАТРИАРХА НИКОНА

*«Клевету, изгнание и труд
Великодушно понес муж мудр,
Святитель Божий избранный,
За труд свят Богом знаменанный».*

Надпись на стене придела, где похоронен Патриарх Никон 21 января 1667 г. Никон был доставлен в Ферапонтов монастырь. Первое время он, естественно, анализировал и особенно остро переживал всё, что произошло. Вспоминая слова апостола Павла о «последних посланниках», которым «Бог судил быть как бы приговоренными к смерти» (1 Кор. 4, 9—13), Никон пишет царю в июне—начале июля 1667 г.: «Аще и о себе таковое помышляю, истину глаголю, яко вся сия на мне сбышася». Он говорит, что хотя и страдает в условиях ссылки, но признаёт телесные страдания весьма полезными: «Елико внешний человек озлобляет(ся), толико внутренний обновляется, только бы не во твое царство сие сбылося, но в чужде незнаемо... зане не добра тебе великому царю государю похвала... Аз убо, о царю, не точию страдати всеизволяю, но и умрети готов есмь правды ради, только бы не во твое царство...». Никон также решительно заявляет о несправедливости суда: «Всё у них (судей.— *Прот. Л.*) несправедно писано... всё было до суда изготовлено... А судьи все дремали да спали, а писал (т. е. вел протокол.— *Прот. Л.*) неведомо какой человек, *что ты, великий государь, прикажешь*; а что писал, того никто не слышал»²⁰⁴.

Русский народ сразу же воспринял осуждение Патриарха как несправедливую расправу над ним царского правительства. Отчасти мы уже видели это на примере проводов низложенного святителя в Кремле. Даже путь его в ссылку сопровождался выражениями особой народной любви к нему²⁰⁵.

С конца июля 1667 г. к Никону в Ферапонтов монастырь

начинают во множестве приезжать и приходиться посетители: посадские люди разных городов, жители Каргополя, Белоозерской земской избы староста и кружечный голова, монахи и монахини различных монастырей, в том числе и Новоиерусалимского²⁰⁶. В Ферапонтове Никон ходил на богослужение в Богоявленскую надвратную церковь. Там служили для него иеромонахи Новоиерусалимского монастыря. На всех ектениях они величали Никона Патриархом. Сам он также подписывался только этим титулом. Но удивительней всего то, что и все многочисленные посетители — не только монахи, но и миряне разного чина — подходили к нему под благословение и называли Патриархом! Народ вменял соборное «низложение» ни во что.

Никон продолжал в ссылке исполнять правило Анзерского скита и жить, как всегда жил, в соответствии с нормами деятельного монашеского подвига. Ему были отданы пустоши, на которых он с «братией», трудясь своими руками, вырубил лес, распахал землю и завел огороды. На озере он занимался рыбной ловлей, ставил садки и часто сам их вынимал. Отношение к внешней деятельности у Никона было обусловлено духом и смыслом духовного подвига. Здесь всякая внешняя деятельность, ручной труд, созидание, творчество — не суета, как в миру, а органически составная часть молитвенного служения Богу — Богоделание. В нем всё внешнее, трудовое освящается внутренним, духовным и становится священным, святым, подобным молитве и Богослужению. В духовном подвиге тем самым все внешние виды человеческой деятельности обретают высший смысл, воцерковляются, им возвращается их изначальное теургическое значение. Патриарх Никон явился ярким исповедником такого воцерковления внешней, трудовой жизни человека, в которой земное творчество оказывается начатком и предвосхищением вечного творческого соработания Богу, ожидающего человека в Царстве Небесном, где ему вновь вернется великое первоначальное предназначение — «наследовать землю и господствовать ею», «возделывать» ее (Быт. 1, 26, 28; 2, 5). Никон часто повторял, имея в виду внешнюю деятельность: «Проклят всяк, делающий дело Божие с небрежением». Он спорил со строителями своих новых келлий, с приставами, с властями Ферапонтова по поводу самых разных житейских дел. С обычной своей основательностью он вникал в подробности быта своих сподвижников по ссылке. Даже в

«заточении» Никон не унывал, а жил разносторонней и бодрой жизнью, какой жил всегда.

Ничто, кажется, не могло угасить его энергии. Озеро близ Ферапонтова оказалось без острова. И Никон живо решается исправить этот «недостаток» природы (он ведь всю жизнь тяготел к островам!). Работая сам, он со своими монахами начинает возить с берега камни, высыпая их на глубину двух сажен (свыше 4 метров). Так постепенно среди озера возникает остров в 24 м длины и 10 м ширины. На этом острове Никон сооружает большой каменный крест со следующей надписью: *«Никон, Божией милостию Патриарх, поставил сей крест Господень, будучи в заточении за слово Божие и за Святую Церковь, на Белеозере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»*. Зимой по замерзшему озеру мимо этого креста проходила дорога и всяк проезжающий мог прочесть это в высшей степени замечательное свидетельство! Подобные же надписи были сделаны на всех келейных столовых сосудах Никона²⁰⁷.

С убежденностью, ясно выраженной в этих надписях, Никон терпел все невзгоды своей неволи. А терпеть приходилось многое. Против него часто возбуждались различные «дела», иногда чисто клеветнические, иногда с некоторым основанием. Никон не переставал надеяться на скорое освобождение из ссылки. «Сказывал мне Наумов (царский пристав.— *Прот. Л.*), — говорил он в декабре 1668 г., — что меня великий государь пожалует, велит взять в Москву скоро, выманил у меня Наумов великому государю и его дому прощение и благословение тем, что государь меня... *велит из Ферапонтова освободить и все монастыри мои отдать»*²⁰⁸. Вот в чем состояли в то время подлинные желания Никона. Он всё еще не оставлял мысли о создании своеобразного монастырского «острова» в Церкви с центром в Новом Иерусалиме.

Однако обстоятельства не благоприятствовали святителю. Правительству донесли о том, что в 1668 г., весной, к Никону приходили «воры донские казаки» «в монашеском платье» и имели с ним тайные беседы, говоря: «Нет ли тебе какого утешения: мы тебя отсюда опростаем». Доносили, что, по словам Никона, казаки приходили к нему еще в Воскресенский монастырь с предложением, «собрав вольницу», «посадить его на патриаршество по-прежнему». Некий монах Пров донес также, что Никон хотел бежать из заточения и обратиться за помощью к

народу. Кроме того, царю сообщали, что митрополит Иконийский Афанасий, находившийся в России, писал Никону о новом Соборе, который должен быть созван в Москве по требованию Константинопольского Патриарха с целью оправдать Никона.

В Феррапонтов поскакали царские посланники. В монастыре были усилены караулы, Никону запретили выходить из кельи. Что же все-таки происходило между Никоном и восставшими разнищами? Никон впоследствии утверждал, что о Разине ничего не знает. Но к нему, по его словам, действительно приходили в Феррапонтов три казака: «Федька да Евтюшка, а третьего позабыл, как звали». Они явились под видом паломников на Соловки; на самом же деле «приходили они для меня, — сообщал Патриарх, — собравшись нарочно, взять меня с собою, пришло их двести человек; Степана Наумова хотели убить до смерти, Кириллов монастырь разорить и с казною его, запасами и пушками хотели идти на Волгу; но я на ту их воровскую прелесть не поддался, во всем отказал, от воровства («воровством» тогда называлось политическое преступление. — *Прот. Л.*) их унял и с клятвою им приказал, чтоб великому государю вины свои принесли, и они пропали неведомо куда»²⁰⁹. На вопрос, почему Никон тогда же не донес об этом посещении и не задержал этих троих, Патриарх ответил, что «боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться от них было нечем». К государю же Никою будто бы тогда писал о казаках и говорил о них приставленному к нему архимандриту Иосифу. По царю Никон «тогда» ничего не писал, а Иосифу сказал гораздо позже; он явно покрывал казаков, хотя и не принял их предложений.

Когда войско атамана Уса 11 мая 1671 г. казнило святого Иосифа, митрополита Астраханского, присутствовавшего па Соборе против Никона, казаки не решались убить его в святительских облачениях. Стали подталкивать духовенство: «Снимайте с митрополита сан! Он снимал же с Никона Патриарха сан»²¹⁰. Иосиф не снимал с Никона «сан», т. е. знаков архиерейского достоинства, это сделал Александрийский Патриарх. Но интересно преломление «дела» Никона в сознании взбунтовавшихся людей: они были убеждены в несправедливости суда над Патриархом.

Всё это говорит о том, что Никон пользовался огромным уважением, так что царское правительство не без оснований

опасалось народного выступления в защиту низложенного Патриарха. Народ любил его, и за эту любовь Никону пришлось заплатить очень дорого.

Проходили 1669-й, 1670-й, 1671-й годы, а он всё находился затворенным в келье. Тогда Никон решился предоставить царю как бы некое основание, которое, «облегчая» совесть Алексея Михайловича, давало бы ему возможность облегчить и участь заключенного друга. К Рождеству 25 декабря 1671 г. Никон написал царю письмо²¹¹, в котором всю вину за уход от правления, за обличения царя, за отказ от его милостыни и за всё то, в чем он ранее обвинял царя, брал теперь на себя, говорил, что умышленно «досаждал» царю, «раздражал» его, и во всем этом просил прощения «Господа ради» и «ради Христова Рождества»... Патриарх сообщал царю о своем крайне тяжелом состоянии и слабости здоровья: «И есмь ныне болен и наг, и бос; ...руки больны, левая не подымается; очи чадом и дымом выело, и есть на них бельма; из зубов кровь идет смердящая; ...ноги пухнут и сего ради не могу церковного правила править...» и обращался с просьбой: «Сего ради молю и тебе, великого государя, прошу, ослаби ми мало, да почию, прежде даже не отиду... и посему едино другое прошу, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего и зрети ми красоту Господню, и посещати храм святой Его». О каком «дому Господни» и «храме святом» говорил Никон в этом письме, стало ясно из следующего.

В январе 1672 г., т. е. очень быстро по получении письма Никона, в Ферапонтов прибыл царский посланец Иларион Лопухин. От имени государя, назвав Никона «святым и великом отцом», он передал царский ответ: «С начала дела соборного и до соборного деяния всегда он, государь, желал умирения, но этого не учинилось, потому что ты хотел в Московском государстве учинить новое дело против обычая (т. е. по обычаю, по примеру. — *Прот. Л.)* Вселенских Патриархов, как они сходили с престолов. А теперь государь всякие враждотворения паче прежнего разрушить и во всем примирения с любовью желает и сам прощения просит»²¹². Никон в беседе сказал послу: «Я своего прежнего сана не взыскую, только желаю великого государя милости... Великий государь пожаловал бы меня, веле быть в Воскресенском монастыре или в другом каком моего строения, лучше в Иверском... лета мои не малые, постигло увечье, а призреть меня стало некому; да

пожаловал бы государь, простил всех, кто наказан из-за меня».

Итак, Никон уже не просит владения всеми своими монастырями, ему хочется лишь жить в одном из них, а точнее — в Новоиерусалимском... Однако этой просьбы царь не исполнил! Никону была лишь вновь предоставлена относительная свобода действий в Ферапонтовом монастыре. Здоровье Патриарха оказалось уже безнадежно подорванным. Он не мог трудиться физически, как раньше. Но Господь утешил его. Однажды во сне Никону был глагол Божий, повелевающий лечить болящих. Патриарх принялся за дело со всей свойственной ему обстоятельностью и тщанием. Он изучил «Лечебник» (или «Травник»), привезенный ему в свое время «из Персиды» и переведенный с латинского на греческий, а с греческого на русский, установил связи с московскими аптеками, откуда ему доставляли некоторые лекарства (деревянное масло, росный ладан, скипидар, траву чечуй, целибоху, зверобой, нашатырь, квасцы, купорос, камфару и т. д.). Никон лечил молитвой, святым елеем, святой водой, применяя и лекарственные средства. С 1673 по 1676 гг. им было исцелено от различных болезней 132 человека, в основном — крестьяне, из них 68 мужчин, 53 женщины и 11 младенцев.

После смерти 3 марта 1669 г. царицы Марии Ильиничны Алексей Михайлович женился второй раз. Еще успели появиться от второго брака дети, прежде всего знаменитый Петр, но дни царя были уже сочтены... Думал ли он о приближении смертного рубежа? Старался ли переосмыслить свои отношения с Никоном? Во всяком случае милостыню царь, его сестры, новая жена стали присылать богатую. Последний раз с Козьмой Лопухиным были присланы: «40 соболей дорогих да мех соболий же, денег 500 рублей и серебряной посуды немало, пищи и питания изобильно»²¹³. Козьма еще находился в Ферапонтове, когда прискакал его брат Феодор Лопухин с печальной вестью: в ночь с 29 на 30 января 1676 г. скончался царь Алексей Михайлович. На 47-м году жизни...

Для Никона это явилось настоящим ударом. Скорбя о кончине Алексея Михайловича, Никон плакал и о том, что вынужден теперь перенести свой спор с другом-царем за пределы земной сферы бытия, на суд Божий. «Аще бо zde с нами прощения не получи, в страшное пришествие Господне судитися имамы», — говорил он со слезами. Лопухин стал просить Никона *написать* прощение

Алексею Михайловичу. Никон ответил: «Мы, подражая Учителя своего Христа, реченное во Евангелии святом: оставляйте и оставится вам; аз же ныне глаголю: Бог его простит, а на письме не учиню, нам бо он при жизни своей из заточения сего свободы не учинил»²¹⁴. В самом деле, письменное разрешение выглядело бы неким официальным каноническим актом, на который Никон, как низложенный Патриарх, не мог пойти, пока законно не восстановлена справедливость и ему не возвращено патриаршее достоинство.

Российский престол наследовал Феодор — тринадцатилетний сын Алексея Михайловича. Пользуясь малолетством государя, новые фавориты при дворе начали с особой быстротой разделяться со старыми. Сказался этот процесс и на положении Никона. Сразу оживились все его враги. Патриарху Иоакиму и царю последовали доносы с нелепыми обвинениями Никона в самых ужасных преступлениях. Достаточно представительная и достаточно враждебная Никому комиссия, отправленная в Ферапонтов монастырь, не нашла подтверждения ни одному из этих ужасов. Свидетели показали, что «у Никона ничего дурного не было»²¹⁵. Однако самым «ужасным», с точки зрения властей, явилось то, что Никон называет себя даже в документах и письмах Патриархом, а Иоакима Патриархом не признаёт и не молится о нем в уставных прошениях, что он поставил кресты с надписями о своем заточении «за слово Божие и за Святую Церковь»... Этого было достаточно, чтобы резко ухудшить положение Никона. В июне 1676 г. его перевели в Кириллов Белозерский монастырь под строжайший надзор, поместили в тесных угарных кельях, отчего он едва не умер. Все кресты с надписями были уничтожены, с металлических сосудов надписи соскоблены. Всех монахов — спутников Патриарха разослали в заточение в дальние монастыри. Лишившись друзей, лишившись возможности и физических сил для деятельности, Никон приручил диких лебедей и голубей, которые слетались к его келье, и из всех земных утешений единственным для него стали эти небесные птицы.

Великий святитель оканчивал свою жизнь так же, как начинал, — в страданиях от несправедливости и злобы мира сего. Это «рамки» его земного существования. Этим отчасти объясняется особая острота той устремленности его души к Небесному Иерусалиму, к Горнему вечному миру, где «скиния Бога с человеками, и

Он будет обитать с ними... И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет...» (Откр. 21, 3—4). Стремление к Царству Небесному находило свое естественное отражение в последние годы жизни Никона в его особом тяготении к своему Новому Иерусалиму. Шушерин свидетельствует, что Никон «непрестанное попечение име... о обители Воскресенской, о церкви святых, юже сам основа и не наверши, вельми бо жалея о том и Бога моля непрестанно, яко дабы ему паки во обители Воскресенской быти и навершити каменную великую церковь...»²¹⁶.

Прошло два года. Царь Феодор Алексеевич мужал, становился способным к восприятию глубоких истин. Наибольшее влияние на него оказывала тетка — царевна Татьяна Михайловна. Она была старшей в царской семье, славилась особой духовностью и благочестием и являлась давней и верной почитательницей Патриарха Никона. Она много рассказывала юному царю о той необыкновенной дружбе, которая связывала его отца с Никоном, о том, как много сделал Патриарх для их семьи, когда спасал от эпидемии, как эти отношения были нарушены злыми людьми, как был несправедливо осужден и заточен великий святитель. Но особенное впечатление произвели на Феодора Алексеевича вдохновенные рассказы тетки о Новом Иерусалиме. Он пожелал сам посмотреть его. И когда в первый раз 5 сентября 1678 года царь увидел грандиозное здание, обошел монастырь, еще раз послушал рассказ Татьяны Михайловны, пояснявшей, насколько было возможно, величие замысла Патриарха Никона об этом месте, то всей душой прилепился к Новому Иерусалиму! Он стал приезжать туда часто. С 1678 по 1680 гг. Феодор Алексеевич был здесь пять раз. Он молился за службами на Голгофе, жил по нескольку дней в монастыре, молча ходил всюду, смотрел, думал и проникался благоговением перед величием человека, начавшего созидать столь замечательное сооружение.

Новый Иерусалим начал теперь выручать своего основателя! Судьба Никона стала решаться в связи с решением судьбы его творения. По указу государя строительство Воскресенского монастыря было возобновлено. Царь лично проверил, всё ли в богослужении исполняется здесь по уставу Патриарха Никона, и, обнаружив, что устав забыт, повелел восстановить его, записать и строго соблюдать всё так, как было при Патриархе Никоне.

Сначала в 1679 г. из ссылки были возвращены все приближенные Никона, в том числе И. Шушерин. Он был взят Татьяной Михайловной во дворец и сделался се «крестовым дяком» (ведал имуществом ее домово́й церкви). Здесь он получил возможность пользоваться подлинными документами о Патриархе Никоне для написания его жития, стал участником и очевидцем многих дальнейших событий.

2 декабря 1680 года Феодор Алексеевич в пятый раз посетил Воскресенский монастырь и обратился к архимандриту и старцам («возсия бо свыше на него Солнце правды Христос Бог наш») со следующим предложением: «Аще хотите, да взят будет се́мо Никон Патриарх, наченший обитель сию... дадите мне прошение о сем за своими руками, сиречь челобитную, и Бог милостивый помощь подаст и то дело исправится»²¹⁷. Братия «все единодушно написаша государю прошение».

Феодор Алексеевич показал прошение Патриарху Иоакиму, сказав и о своем желании вернуть Никона в Воскресенский монастырь. Иоаким отказался поддержать это намерение, ссылаясь на то, что Никона осудил Собор во главе с Вселенскими Патриархами, и потому одни русские архиереи не могут изменить этого решения. Опечаленный царь всё же решил утешить Никона и написал ему собственноручное письмо, в котором ободрял узника и обещал непременно пересмотр его дела и освобождение. Царь писал, в частности, что «от многих» слышит, что Никон «премудр бе зело и Божественного Писания снискатель, и истинный рачитель и поборник по святей непорочной вере, и хранитель святых Божественных догматов»²¹⁸. Такова характеристика Никона его друзьями-единомышленниками.

Никон тем временем угасал. Архимандрит Кириллова монастыря Никита в середине 1681 г. извещал Патриарха Иоакима, что Никон «вельми изнемогает и близ смерти», что он принял схиму, не благоволив «переменити имени». Никита спрашивал, как и где похоронить узника. Иоаким, не сообщив ничего царю, ответил, чтобы похоронили, «якож и прочим монахом бывает», и погребли на паперти церкви в Кириллове монастыре. Случайно узнав об этом, Феодор Алексеевич приказал Иоакиму немедленно вернуть свое письмо, но тот ответил, что поздно, письмо уже отправлено в Кириллов. А Никон в те же дни из последних сил сам написал письмо в Воскресенский монастырь: «Благословение

Никона Патриарха сыном нашим: архимандриту Герману, и иеромонаху Варлааму, монаху Сергию, монаху Ипполиту и вкупе всей братии! Ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великою, вставать не могу, на двор выйти не могу ж, лежу в гноищи... умереть мне будет внезапно. Пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челом о мне великому государю; не дайте мне напрасною смертью погибнуть; уже бо моего жития конец приходит...»²¹⁸.

Получив это послание, братия Нового Иерусалима «исполнились плача» и немедленно передали письмо государю. Тот срочно собрал Собор, синклит, зачитал письмо Никона. Все единодушно высказались за его возвращение. Иоаким на сей раз согласился. За Никоном тут же отправили посланных во главе с дьяком И. Чепелевым (а в ссылку Никона отправлял, между прочим, пристав по фамилии Шепелев).

Дня за два до его прибытия Никон вдруг начал оживать и готовиться в путь, делая это неоднократно. Окружающие «мняху, яко в скорби и в беспамятстве сия творит». В самый день приезда царских гонцов Никон с утра начал собираться, велел одеть себя в дорожную одежду, вынести в креслах па крыльцо и сказал своим людям: «Аз готов семь, а вы чесо ради не убираетесь, зрите вскоре бо по нас будут». Но люди думали, что он говорит это по болезни. Можно представить себе их удивление, когда тотчас в Кириллов прибыло царское посольство с приказом: «Блаженного Никона» возвратить со всяким тщанием в Воскресенский монастырь! Патриарх с великим трудом встал, выражая благодарность государю, и снова опустился в кресло.

Тяжело больного Никона решили везти по рекам на стругах. Двинулись в путь сначала по Шексне, а затем по Волге. И вот тогда началось нечто необычайное! Из городов и сел, никем не призываемый, встречать Никона повалил народ. Люди несли своему Патриарху кто что мог из съестных припасов и дорожных вещей, подходили под благословение, бежали со слезами далеко по берегу, провожая печальные струги. Утром 16 августа достигли Толгского Богородицкого монастыря в шести верстах от Ярославля. За полверсты от обители Никон велел остановиться. Силы покидали его. Он исповедался и причастился Святых Тайн из запасных Даров Великого Четверга. Затем доплыли до монастыря, из которого навстречу вышел игумен со всей братией. Среди них

оказался бывший архимандрит ярославского Спасского монастыря, а ныне ссыльный монах Сергей, тот самый, который особенно усердствовал в поношении Никона во время его осуждения. Никон тогда предсказал ему бесчестие и ссылку, что в точности и исполнилось. В тот день, 16 августа, Сергей после литургии прилег в келье отдохнуть и, едва уснув, увидел Никона, будто вошедшего к нему и сказавшего: «Брате Сергие, восстани, сотворим прощение!» Тут же проснувшись, Сергей услышал стук в дверь; монастырский сторож сообщал ему, что по Волге сюда приближается струг с Патриархом Никоном. Теперь Сергей, увидев тяжело больного Никона, заплакал, припал к его ногам, со многими умильными словами, вопия: «Прости мя, святче Божий, яко всех сих поношений на тя, яже понесл еси, повинен аз, досаждая и всякую злобу святыни твоей во время изгнания твоего творя, угождая Собору!» Никон простил его и благословил.

Когда подплыли к Ярославлю, город загудел. Жители во множестве устремились к речке Корости, где у монастыря Всемилоостивого Спаса остановились струги с Патриархом. Видя его в таком состоянии, люди «с плачем великим и рыданием» бросались в воду, припадали к руке и ногам святителя, прося прощения и благословения. Одни по берегу, другие по пояс в воде продвигали струг, на котором возлежал Никон. Воевода Ярославля со множеством народа, архимандрит Спасского монастыря с братией своей обители и духовенством города пришли к Никону выразить свою любовь, сострадание, получить благословение. От крайней слабости Никон уже не мог благословлять, люди сами прикладывались к его руке (а ведь официально Никон был простой монах!). Собралось так много народа, что, ввиду тяжелого состояния святителя, решили перевезти струги с ним на другой берег.

Спускались сумерки. В городе заблаговестили к вечерне. Блаженный Никон начал «конечно изнемогати и озиратися, яко бы видя неких пришедших к нему; такожде своима рукама лице и власы и браду и одежду со опасением опрятовати, яко бы в путь готовитися». Архимандрит Кириллова монастыря Никита, сопровождавший Никона, и остальные братия поняли, что приближается смертный час Патриарха, и начали «исходное последование над ним пети». Никон «возлег на уготованном одре, дав благословение своим ученикам, руце к персем пригнув, со

всяким благоговением и в добром исповедании, благодаря Бога о всем, яко во страдании течение свое соверши, с миром успе, душу свою в руке Богу предаде, Его же возлюби. От жития сего отыде в вечное блаженство в настоящее лето 7189 (1681) месяца августа в 17 день»²²⁰.

Со скорбной вестью в Москву поскакал Чепелев. Царь Феодор Алексеевич, еще не зная ничего, послал в Ярославль свою карету «со множеством коней добрейших». Карета прибыла через два дня после смерти Патриарха. На ней устроили прочное «возило», куда поставили гроб, и медленные кони повезли тело Никона в Новый Иерусалим.

Над русскими просторами поплыли печальные звоны. Народ со слезами выходил встречать почившего святителя. В Александровской слободе игуменья девичьего монастыря, «со всеми черноризицами числом не менее двусот изыде во сретение вне монастыря со звоном, и со славословием, поюще литию, слезы точаще, с великим воплем восклицающе, плачуще о лишении своего пастыря и учителя, и проводивше поприще едино, целовавше тело блаженнаго, возвратишася паки во обитель». Торжественно встречала печальный поезд Троице-Сергиева Лавра. Архимандрит Викентий со всей братией вышел к Святым воротам, над гробом Никона соборне пели литию, «целовавше тело блаженнаго со слезами».

Весть о кончине Никона сильно подействовала на молодого царя. Он спросил Чепелева, каково духовное завещание усопшего. Дьяк ответил, что говорил об этом с Никоном, но тот сказал: «Вместо моего духовнаго да будет мир и благословение царю... и всему их царскому дому, а о душе моей и о грешном моем теле, о погребении и поминовении, о всем да будет он, благочестивейший царь,... строитель и елико благоволит, тако сотворит». Феодор Алексеевич был тронут до слез и благоволил отпеть и похоронить Никона *как Патриарха* с самыми великими почестями. Иоаким, несмотря на многие уговоры государя, отказался поминать Никона «Патриархом» и по этой причине не поехал на погребение, благословив митрополиту Новгородскому Корнилию возглавить отпевание и поминать почившего так, как «повелит царь».

Утром 26 августа 1681 г. тело Патриарха Никона привезли и остановили на Елеонской горе против Воскресенского монастыря, у часовни, сооруженной, как пишет Шушерин, «во знамение общей

любви и совета» Никона и Алексея Михайловича «к начинанию обители святыя и именованию, еже есть Новый Иерусалим...»²²¹. Предварительно Никона облачили в подобающие святительские одежды, надели архиерейскую мантию, панагию, схиму²²². Началось небывало торжественное погребение, длившееся непрерывно десять с половиной часов²²³. Никона поминали «Патриархом». Царь читал 17-ю кафизму, Апостол, пел вместе с хором. Святителя похоронили, по его завещанию, в Воскресенском соборе в Предтеченской церкви под Голгофой. С пением «Святой Боже...», обливаясь слезами, Феодор Алексеевич предавал тело Никона земле. Необычное поведение царя обращало на себя всеобщее внимание. Шушерин пишет, что все весьма дивились, «видя тако творяща царя и толикия сердечныя любви ко Святейшему Никону Патриарху показующа, яко не слышно в нынешних родех тако творяща царя; и в память предыдущему (в смысле — последующему. — *Прот. Л.*) роду во удивление сие сотвори»²²⁴. Это было в самом деле весьма многозначительно, особенно если учесть, что здесь, среди царской семьи, стоял будущий «император» Петр, уже достаточно взрослый, чтобы хорошо запомнить картину погребения Никона...

В это время на Востоке Вселенских Патриархов уже объезжал царский посол Прокопий Возницын, получая у них соборные грамоты, которыми Кафолическая Церковь охотно и с радостью разрешала Никона, восстанавливала его патриаршее достоинство и причисляла к лику первопрестольных Святейших Московских Патриархов. В сентябре 1682 г. грамоты были доставлены в Москву.

Всё это, а особенно необыкновенное следование сперва живого, а затем почившего святителя от Кириллова монастыря до Новою Иерусалима, явилось сплошным триумфом Патриарха Никона. Православная Россия под колокольные звоны выходила на реки и дороги встречать, славить и оплакивать своего Патриарха. Это было поистине всенародным признанием, вменявшим ни во что несправедное извержение и осуждение Никона. Не дожидаясь формального восстановления его в патриаршем достоинстве, даже не зная, что такое восстановление последует, народ припадал к нему как к святителю-исповеднику и страстотерпцу. Это был поразительный случай, когда напор народной веры взламывал и отбрасывал прочь даже официальное соборное определение! Вот

когда в полной мере обнаружилось, что русский народ по-настоящему любит и чтит Патриарха Никона, безгранично верит в его праведность!.. Как и он безгранично верил в праведность русского народа, засвидетельствовав навечно эту веру созданием Нового Иерусалима — явным указанием на великое католическое значение Русской Православной Церкви... Вера народа не бывает тщетной. У гробницы Патриарха Никона в Воскресенском монастыре с конца XVII по начало XX вв. были зафиксированы многие случаи чудесных исцелений и благодатной помощи людям после молитвенного обращения к Никону²²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁸⁰ Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 686.

¹⁸¹ Все официальные документы судебного процесса над Никоном опубликованы. Среди них нет протокола заседаний, хотя, по свидетельству самого Никона, протокольная запись велась по ходу процесса (ПРС, с. 97). Сохранилась официальная записка о всем соборном суде, составленная после окончания Собора и излагающая события и речи участников, как видно, по памяти автора, без особой системы. Имеется также сочинение Паисия Лигарида «История Собора на Никона», написанное очень предвзято и тоже после окончания процесса. В «Известии...» Шушерина есть рассказ о Соборе, написанный также много лет спустя после события и, как видно, со слов монахов, бывших с Никоном на суде. Все три источника излагают последовательность процесса далеко не одинаково. Судя по всему, и действительный ход соборных заседаний не имел четкой последовательности в обсуждении вопросов, отличался заметной «стихийностью»; начинали обсуждать одно, но отвлекались на другое, к одному и тому же вопросу возвращались потом по несколько раз. Трудно даже в точности установить, сколько было судебных заседаний. Одни различают заседания 1 и 3 декабря, другие полагают, что это было одно заседание. Историк *С. Соловьев* (цит. соч., кн. VI, с. 256—268), митрополит *Макарий* (цит. соч., т. XII, с. 685—782), *Н. Субботин* (во всем своем сочинении) пытаются, насколько возможно, восстановить ход Собора против Никона, достаточно основательно используя сохранившиеся документы. В настоящем очерке мы опираемся на их исследования, восполняя данные

одного автора данными другого и принимая перечень судебных заседаний, предлагаемый митрополитом Макарием.

¹⁸² Это обычный запрестольный выносной крест кипарисового дерева. В 1964 г. он был найден автором этих строк среди обломков довоенного музея в б. Новоиерусалимском монастыре, в развалинах Воскресенского собора. На бронзовом яблоке между крестом и рукоятью вырезана надпись: «Сей честный крест Святейшего Никона Патриарха обложен из монастырского серебра... епископом и кавалером Амвросием...». Крест затем был передан в мастерские им. И. Грабаря.

¹⁸³ Известие..., с. 61—62.

¹⁸⁴ С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 256; митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 704.

¹⁸⁵ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 309, 711.

¹⁸⁶ Н. Субботин. Цит. соч., с. 156.

¹⁸⁷ Известие..., с. 62, 65—66.

¹⁸⁷ Детально исследовав этот вопрос с историко-канонической точки зрения, проф. М. В. Зызыкин приходит к обоснованному выводу о том, что Патриарх Никон «не отрекался от престола, а только от непокорной паствы, под которой разумелись первый сын Церкви — царь и окружавшие его бояре» (М. В. Зызыкин. Цит. соч., ч. II, с. 235).

¹⁸⁹ Известие..., с. 66—69.

¹⁹⁰ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 731; С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 264.

¹⁹¹ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 730; С. М. Соловьев. Цит. соч., кн. VI, с. 264.

¹⁹² М. В. Зызыкин. Цит. соч., ч. I, с. 215—217.

¹⁹³ Митроп. Макарий. Цит. соч., т. XII, с. 741—743.

¹⁹⁴ Там же, с. 743.

¹⁹⁵ Там же, с. 739.

¹⁹⁶ Н. Субботин. Цит. соч., с. 244—249.

¹⁹⁷ Там же, с. 244—245.

¹⁹⁸ Известие..., с. 73.

- ¹⁹⁹ *С. М. Соловьев*. Цит. соч., кн. VI, с. 268.
- ²⁰⁰ Митроп. *Макарий*. Цит. соч., т. XII, с. 754.
- ²⁰¹ Там же, с. 757.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же, с. 782.
- ²⁰⁴ ПРС, с. 93—104.
- ²⁰⁵ Известие..., с. 80.
- ²⁰⁶ *С. М. Соловьев*. Цит. соч., кн. VI, с. 270.
- ²⁰⁷ Известие..., с. 88—89.
- ²⁰⁸ *С. М. Соловьев*. Цит. соч., кн. VI, с. 273.
- ²⁰⁹ Там же, с. 275.
- ²¹⁰ Там же, с. 323.
- ²¹¹ ПРС, с. 105—116.
- ²¹² *С. М. Соловьев*. Цит. соч., кн. VI, с. 277.
- ²¹³ Известие..., с. 90.
- ²¹⁴ Там же, с. 91.
- ²¹⁵ *С. М. Соловьев*. Цит. соч., кн. VII, с. 195—196.
- ²¹⁶ Известие..., с. 93—94.
- ²¹⁷ Архим. *Леонид*. Цит. соч., с. 41.
- ²¹⁸ Известие..., с. 99.
- ²¹⁹ Там же, с. 101.
- ²²⁰ Там же, с. 104.
- ²²¹ Там же, с. 107.
- ²²² Архим. *Леонид*. Цит. соч., с. 54.
- ²²³ Там же, с. 50—53.
- ²²⁴ Известие..., с. 109.
- ²²⁵ *И. Бриллиантов*. Патриарх Никон в заточении на Белоозере. СПб., 1899, с. 122; Митрополит *Антоний*. Восстановленная истина. О Патриархе Никоне. Полное собрание сочинений. Т. IV, дополнит. Киев, 1919, с. 245. Проф. М. В. Зызыкин совершенно убежден в святости Патриарха Никона. Предисловие к своей книге он

заканчивает собственной молитвой: «Святителю отче Никоне, моли Бога о нас!»